

Все началось в раннем-раннем детстве. Тоненькие книжицы Восточно-Сибирского издательства с иллюстрациями Зинаиды Бардиной-Шпирко, стихи Марка Сергеева. Но самое раннее воспоминание — Есенин. Папин голос, чуть

дрожащий от волнения, негромко и проникновенно: «Нивы сжаты, рощи голы...»

И весь описываемый мир рядом: корова, теленок, березы, запряженный в сани месяц. Тоненькая ниточка, которая все связывает и объединяет.

Алена Рычкова-Закабуловская

* * *

Отпусти меня, Байкал. В мире есть другие страны.
Ну, грешна я. Ну, взалкала этих самых разных стран.
Не держи на поводке, словно сонного тайменя.
Я сумею, я сумею плыть по жизни налегке!
Отпускаю, говорит. Между дел, как между строчек...
Но продет сквозь позвоночек тонкий кованый крючочек.
И саднит, саднит, саднит.

СЕМЯ ИВАНОВО

Они в ее стучатся дом
И говорят: «Роди нас заново.
Мы — семя скорбное иваново,
Снесенное за окоем.
Нам несть числа, бесславный ветер
Нас катит, катит по земле».
Она зовет их — дети, дети...
Она их носит в подоле.
Кладет на лавки, словно овощи,
Лушит, лушит их без конца.
И множатся ряды непомявших,
И осыпаются с крыльца...

«Ангеле Божий, хранителю мой святой...»

А в темных сенцах светлый дух —
дед Зиновой вздохнет столетне
и двоеперстием осветит
ребячье темя. Ловит слух
тишайший дедовский полет.
И робко силится ручонка
дверей скрипучую клеенку
найти впотьмах, а дед сожмет
ладошку мягко: вот скоба!
Под указующей ладонью
скользнет, ладьею по бездонью,
неслышно дверь. За ней изба
исходит светом. Вязкий мрак
ужом сползет на дно ушата.
Дед козырнет молодецкато
и вознесется на чердак...
И после, в суматохе дней
усвоив твердо: «всяк по вере...»
так не одни откроешь двери
одной лишь верою своей.

Домотканое

Как хорошо — я нынче не бегу
Из края в край. Ношу себя степенно
Через порог и снова к очагу.

Как будто зреет семечко вселенной
Внутри меня, его я берегу —
Не расплещу, не разбужу до срока.

Я предаюсь спасительным вещам —
Встречаю утром зарево с востока,
Кормлю огонь, уснувший по печам.

И так легко и радостно плечам,
Что не лежит на них тоска-морока.
Что ни случится — будет все от Бога.

Но бог покуда дремлет на шестке,
Уткнувшись носом в домотканый коврик.
Снежок неспешно пеленает дворик.
И ангел тихий бродит налегке.

БУНКЕР

По потере кормильца
Дом приступает к посмертному прозябанию.
С виду все то же здание — не высоко, не низко.
Синие птицы над ставнями.
Дом мнит
Себя обелиском.
В небо, от основания, первой ступенью — завалина,
Окна стремятся к карнизу, далее долгая риза
Крыши железной.
Сурик облезлый местами вспыхивает ало.
Железо на крышу — презент генерала,
С течением времени утратившего имя свое и звание.
Лишь отзвук негромкий, отголосок самого раннего
Воспоминания.
Условно, листая страницы альбомов,
Дом не помнит имен. Он помнит лица.
Как и положено дому.
А лицам положено слиться
В плазму. Точнее — в массу. Фон для единственного лица —
Отца моего отца.
Дому ни много ни мало, достаточно одного генерала.
Вернее — генералиссимуса. Жаль, что длинноты их жизнью
Разнятся. Смерти дома не боятся.
Все последующее существование заключается
В формировании подземного бункера.
Наземная часть отмирает. Жизни субстанция юркая
Перетекает в иные измерения,
Требующие пространственного разветвления
Вширь и вглубь.
Я вижу, как медленно сруб
Уходит в свое лукоморье, сквозь луковый дух подполья.
Словно оболочка подпола лопнула
И разродилась анфиладой комнат
С тенями снулыми.
И мне, стоящей на первом подпольном уровне,
Нет доступа глубже и далее.
Я дочь твоя, слышишь ли, дом мой?
Отчего же ты держишь меня у края,
Не пуская в уголки своего (моего) подсознания?
По мнению дома, «генеральская внучка» не звание.
«Так, хотячее недоразумение...»
Углубляясь, подобно растению,
Дом задраивает подвалы.
И ждет своего генерала.

Предзимье

Скоро, мой милый, кружа невесомо шепотом сна,
Станут выклеивать белые совы с гулкого дна
Глиняной чаши с краем щербленным полной луны
Осени поздней пустую половину. Плоть тишины
Легкою тенью метнется по крыше, в подпол спеша
Мамкою, самкою — серою мышью, прятать мышат
В луковых косах, пыльных бутылках, в шорохе трав.
Совы расправят белые крылья. Вновь ледостав
Выпрямит реку, властно сминая гребни волны.
Милый, я знаю, белая стая здесь до весны —
В окна заглядывать, сумерки скрадывать, сыпать перо.
Надо ли дальше судьбу предугадывать?
Нам повезло...

* * *

Я оголила окна для зимы,
Пред новым годом сдернув занавески.
Галдят сороки в близком перелеске,
У стрекотух на это повод веский —
Коровья шкура встала на дыбы
На кольях, вбитых в снеговую кашу.
Я стекла тру до скрипа, до тех пор
Покуда плод, катящийся за бугор,
Не упадет в подставленную чашу,
Сиренево окрасив дом и двор.

Я оголила окна. Тихий свет
И белый снег вошли в проемы комнат
Чтоб здесь остаться, чтоб позволить помнить:
На этом стуле сиживал мой дед,
Подзор крахмальный — бабушка вязала,
А чемоданчик этот по вокзалам
Мотался с папой, а теперь стоит
Поблескивая лаком декупажным.
Подумать страшно: кто-нибудь, однажды,
Всю жизнь мою вот так перекроит...

Я кутаю яблоны...

Я кутаю яблоны, словно детей готовлю к прогулке неблизкой.
По капельке свет отползает с ветвей вовнутрь оловянного диска,
Плывущего медленно в белой пыли, привычной дорогой, на запад.
А сажены малые, как журавли, пружиня мосластые лапы,
Того и гляди — упорхнут к облакам, взмахнув на прощанье дерюгой.
Но разве поднимется чья-то рука сдержат их стремление к югу?

Случится такое, я в землю вращу и стану глядеть, обмирая,
Как кустик незрелый курлычет во льду, а сад, словно дикая стая,
Встает на крыло и зовет за кордон. Вот корни, державшие мертво,
Срываются с дерна, не чуя урон и... в папиной куртке потертой
Взлетает вожак у села на виду, скрывается прочь за оградой...
Я кутаю яблоны в нашем саду. Я, папочка, знаю — так надо.

Болиголов

Что там, на дне колодца? Кажется, невода...
Потусторонне солнце ходит туда-сюда.
Плесень ползет по срубам, розов речной бадан.
И прилипают губы к губам.
Как мы малы, неловки, держимся за края,
соединив головки. Мерно кружит земля,
Полеми уводит близких, кажется, на закат...
В донном оконном диске лаковый звездопад.
А за спиной, как шрамы, метки следов в песке,
Где твой отец и мама порознь идут к реке.
Следом мои торопка. Мама бежит в прибой —
Папу уносит лодка. Постой!
Кружится день над осью старого журавля.
Знать бы, какую костью ты прорастешь в меня,
Мальчик белоголовый. Болигорова цвет
выпить, промолвить слово.
И не смотреть.

Хоронили удода

Ты помнишь, как мы хоронили удода.
Стрекозы и мошки садились на воду,
И падало солнце в утиную заводь,
Но нам не хотелось играть и плавать.
В нарядной коробке, на кукольных тряпках,
Усопшая птица скукожила лапки,
Как два кулачка, и нахохла грудку.
Как будто удод задремал на минутку,
Пока мы копали могилу в суглинке,
Затем выстилали — травинка к травинке.
Нелепый такой ритуал человеческий
Сводил над землей наши хрупкие плечи
И остро лопатки, как крылышки птичьи,
Светились сквозь платя. Меняя обличье,
Дрожали над заводью знойные тени,
Когда, отрясая суглинок с коленей
Сухие былинки и прах с ягодиц,
Сквозь пух проступало на свет оперение.
Мы были похожи на маленьких птиц,
Прошедших негласный обряд посвящения.

БАТИСКАФЫ

Едва касаясь темени и животов раздутых,
Храни, Господь, беременных во всякую минуту.
Чего им там отмерено от взмаха и до взмаха?
Дитя глядит растерянно на мир из батискафа —
Снуют повсюду граждане, шуршат под облаками,
Не замечают, важные, того, кто вверх ногами
Плывет в толпе изменчивой. И день исходит светом
Над маленькой застенчивой беременной планетой.